

Г.Н.Гиржева, В.И.Заика

**ЖИТИЙНЫЕ ТОПОСЫ КАК ЭЛЕМЕНТЫ ОБРАЗА ПЕРСОНАЖА В РАССКАЗЕ ЮРИЯ БУЙДЫ
«ЧУДО О БУЯНИХЕ (ПОЭМА)»**

В названии рассказа «Чудо о Буянихе» указание на жанр предупреждает о наличии в тексте признаков житийной литературы, определяет горизонт ожидания читателя, является экспектационным ориентиром, равно как и жанровое уточнение — поэма. Топосы — стереотипные элементы, церемониальные приемы: образы, мотивы, речевые формулы, доказательства и др. — определяются канонически как жанровые житийные признаки. В рассказе предметом изображения являются разного рода чудеса, которые своим наличием позволяют предположить принадлежность Буянихи к разряду тех, кому посвящаются агиографические тексты. Однако в рассказе топосы и иные житийные признаки имеют двойственное отношение к агиографическому канону: одни элементы образа Буянихи содержательно вполне соотносимы с житийными топосами, и узнаются читателем как соответствующие жанру, другие элементы соотношены с топосами «отрицательно»: упоминаемый или описываемый факт биографии Буянихи противоречит общему месту, которое характеризует персонажа как святого (такое соотношение менее узнаваемо). Самым общим признаком применение топоса в образе Буянихи является его нейтрализация: присутствие в описаниях таких деталей, которые искажают каноническое содержание топоса, устранивают пафос, приземляют персонажа. Поэтому в целом реализация в рассказе житийной топики определена как небрежение церемониальностью. Образ Буянихи, выстроенный автором посредством разных точек зрения повествователя и персонажей, является многоаспектным: в длинных списках подробностей прихотливо сочетается правдоподобное, фактографическое, неправдоподобное, чудесное. Причем чудесное, согласно канону подтверждающее святость, обычно нейтрализуется, что является характерной чертой образа противоречивой Буянихи.

Ключевые слова: Юрий Буйда, «Все проплывающие», «Чудо о Буянихе (поэма)», образ персонажа, житийный топос, чудесное, фактографическое, нейтрализация топоса

«Чудо о Буянихе (поэма)» — один из 73 рассказов книги Юрия Буйды «Все проплывающие» 2011 г. (В 1998 эта книга под названием «Прусская невеста» включала 47 рассказов). Каждый рассказ книги — это законченный самостоятельный текст. События рассказов в совокупности образуют многокомпонентный дискретный сюжет за счет сквозных персонажей (главных или второстепенных в разных рассказах) и общности места действия (городок в восточной Пруссии). «Чудо о Буянихе (поэма)» — единственный текст в книге, жанр которого подробно определен. Всякое жанровое определение считается экспектационным ориентиром, определяющим читательский горизонт ожидания. Попытка выяснить, как сочетаются поэзные и житийные жанровые проявления в рассказе привела к мысли о том, что «поэдность» обеспечивается преимущественно формальными признаками текста, к которым мы отнесли особенности композиции, сюжетного построения, специфическую фигуративность текста — наличие множества аккумуляций и иных фигур, основанных на повторе [1], а «житийность» обеспечивается содержательными признаками, которые мы рассмотрим в статье.

Цель настоящей статьи — выявить житийные жанровые признаки в рассказе «Чудо о Буянихе (поэма)» и установить их изобразительные особенности.

Житийная литература (агиография) объединяет «жизнеописания христианских подвижников, причисленных Церковью к лику святых» [2]. При определенном сходстве манеры изложения агиографические сказания жанрово разнообразны: это жития святых, мученики, хождения, видения, чудеса, сказания о чудотворных иконах.

Агиографические жанры не имели жестких границ, но писались с установкой на канон. Одно из проявлений канона — наличие топосов. Т.Р.Руди, исходя из широкого понимания топоса (по Э.Р.Курциусу), считает, что им «может быть любой повторяющийся элемент текста — от отдельной устойчивой литературной формулы до мотива, сюжета или идеи» [3] и рассматривает такие типы топосов: подражание Христу, подражание апостолам, уподобление ангелам, подражание Марии [3, с. 59-101]. Более распространено понимание топоса как понятия, объединяющего устойчивые, повторяющиеся стереотипные элементы: образы, мотивы, мысли [4]. А.В.Растягаев перечисляет стандартные элементы, которые относятся к содержанию житий: «рождение от благочестивых родителей, равнодушие к детским играм, чтение божественных книг, отказ от брака, уход от мира, монашество, основание обители, предсказание даты собственной кончины, благочестивая смерть, посмертные чудеса и нетление мощей» [5].

Описание чуда в агиографии — это преимущественно компонент (стандартный элемент) жития, специфическое жанрово-композиционное образование. Жития святых, как правило, начинаются упоминанием о чуде. Затем описываются чудеса, которые происходят на протяжении жизни святого угодника. Завершается житие подвижника также чудом — совершаются посмертные чудеса [6]. Особо важную роль чудо имеет в композиционной структуре житий преподобных, где существенно разграничение чудес прижизненных и посмертных. Е.А.Рыжова отмечает важную функцию чуда: при отсутствии сведений о благочестивой жизни описание чудес (например, «укрошение» воды), как сюжетный мотив, подчеркивает праведность святого [7].

Д.С.Лихачев говорит о топосах в средневековой в том числе житийной литературе (называя их литературными шаблонами и трафаретами) как о литературном этикете, который являлся наиболее типичной средневековой условно-нормативной связью содержания с формой [8] и который требовал «употребления одних и тех же церемониальных приемов» [8, с. 93].

В рассматриваемом рассказе Ю.Буйды уже в заглавии само архаическое наименование жанра является своего рода реализацией церемониального приема. Такая грамматика слова *чудо* известна по названиям древнерусских текстов этого жанра: *Чудо о трех девицах*, *Чудо святого Георгия о змие*, *Чудо о колонне вдовы*, *Чудо о болгарине*, *Чудо об обращении сарацина* и др., что и создает экспектационный ориентир для читателя.

Однако содержательные элементы рассказа коррелируют с житийными топосами и другими признаками житийного жанра по-разному.

Топика в рассказе Ю.Буйды не только не имеет предусмотренного каноном словесного оформления (не используются речевые формулы), но ее соотношение с житием можно в целом определить как небрежение церемониальностью.

В отличие от житий, где «все, что не укладывалось в устоявшуюся схему биографических черт святого, игнорировалось или редуцировалось в тексте жития» [5, с. 15], в рассказе изображаются события, полные героических и одновременно прозаических подробностей, при этом их изображение весьма далеко от агиографической литературной схемы.

Нужно заметить, что Буяниха — участник самых разных событий, изображенных во многих рассказах книги «Все проплывающие». В 25 рассказах она упоминается как автор имен и описаний («Три Кошки», «Чарли Чаплин»), например: *Услышав однажды, как она вызывает «дежуренькую» районного узла связи, известная городская царица Буяниха дала девушке прозвище Миленькая, заменившее ей и имя, и фамилию («Миленька и Масенькая») (167) [9], как участник и свидетель фантастических событий («Черт и аптекарь») или совместных действий («Витька Фашист», «По имени Лев», «Свинцовая Анна», «Семерка») и др. Участвуя в эпизодах, Буяниха дает советы, задает вопросы, а также изрекает окончательные применительно к ситуации мысли («Рыжий и Рыжая», «Синдбад-Мореход», «Тема быка, тема льва», «Черт и аптекарь», «Красавица Му», «Ванда Банда», «Рита Шмидт Кто Угодно», «Степа Марат», «Вилипут из Вилипутии», например: [по поводу вытасченного на берег Ивана Соломенцева] — *Жаль его, — протянула Буяниха. — А может, и зря жалеем. Ведь ему каждый день приходится жить, а нам довольно только быть («У кошки девять смертей»)* (250).*

Многие такие эпизоды с участием Буянихи изображают ситуации смерти или погребения («Хитрый Мух», «Китай», «Преступление доктора Шеберстова», «Через “фэ”»), например: *Буяниха положила ей [гипсовой девушке] на веки два медных пятака. В голове у нее помутилось, горло сдавило, и Буяниха медленно осела наземь, глотая слезы и массируя грудь: сердце ныло и не отпускало. — Господи, — прошептала Буяниха, — жизнь это наша — или сон Твой, Господи?..» («Хитрый Мух»)* (17).

Все перечисленные «участия» являются отдельными фрагментами биографии персонажа, изображенной в рассматриваемом рассказе.

Обратим внимание на особенности композиции рассказа.

В первом абзаце *Елью и туей пропах городок, елью и туей, — Буяниха умерла!* (64) описано благоухание как свидетельство кончины главного героя. Фигура кольца (кольцевой повтор, киклос) изображает интенсивность запаха и подтверждает читательские ожидания. Как, равно, и следующие абзацы начала рассказа, в которых описывается несколько чудес:

У Капитолины вода в чайнике внезапно забила ключом и превратилась в кровь, и старуха поняла: Буяниха умерла.

Дряхлеющий Афиноген вдруг почувствовал, как пустота во рту заполнилась живой плотью — это вырос язык, оторванный сорок лет назад осколком фугасного снаряда, — и первой его мыслью была: «Буяниха умерла», а первым словом:

— Подлецы!

Но это уже относилось к зятю и его друзьям, допивавшим в саду последний флакон «Сирени». Митроха опрокинул пузырек в рот и чуть не задохнулся: в горло посыпались пахучие цветы сирени (64).

Превращение воды в кровь, исцеление Афиногена, и, возможно, спасение Митрохи (Буяниха обличала пьяницу) — это три чудесных события, два из которых поняты персонажами как посмертные чудеса Буянихи.

Это интенсивное перечисление чудес в начале рассказа соотносится с последними абзацами рассказа, в которых описывается основное чудо, произошедшее на похоронах Буянихи. Его предчувствовали главные персонажи и ожидали многочисленные участники похорон:

Они [жители городка] истошно вопили, размахивали руками, топали ногами, плакали, колотили друг дружку по спинам, хохотали — и неистово, яростно, бешено, самозабвенно требовали чуда:

— Давай, Буяй! Давай! Не выдавай! Не выда-а-й!

Птица вдруг отчаянно заболтал ногами в воздухе, ассенизационная бочка подпрыгнула на кочке — и поплыла, плавно покачивая исполнскими крыльями, шитыми из заплатачных ночных сорочек, чиненых-перечиненых носков, трусов, бюстгальтеров, халатов без пуговиц и пальто со шкурой неведомого зверя на воротнике, — выше и выше, над полем, над лесами, над крышами городка, пропахшего елью и туей, и тут люди вдруг разом обернулись и увидели, как из-под покрывала, закрывавшего Буяниху, выпорхнул белый голубь, <...> тотчас прыгнувший в небо и помчавшийся за ассенизационным змеем, за первым голубем порхнул второй,

третий, десятый, сотый, и вот уже тысячи, тысячи тысяч голубей, громко хлопая крыльями, гигантским клубящимся столбом белого дыма уходили в небеса — в Дом, где и эта — и эта судьба будет измерена мерою человеческою, какова мера и Ангела...

В наступившей тишине особенно хорошо было слышно, как со скрипом взмахнул крыльями железный Золотой петушок, стряхивая ржавчину на школьную крышу, как забилося у него в горле, заклокотало и, наконец, вылетело и полетело над городком:

— Ку-ка-ре-ку! Ку-ка-ре-ку!.. (82-83).

Как видим, соотношение начала и конца рассказа тоже является кольцевым повтором. Тожество устройства первого предложения рассказа и всего текста — очевидный изоморфизм — отношение между явным, формально выраженным кольцом (повтором *елью и туей*) в первом предложении и кольцом, выраженным содержательно (повтор описания чудес в начале и описание чудес в конце рассказа). Первое кольцо становится прообразом второго кольца. (Понимание изоморфизма основано на определении его в словаре ДЕФОРТ [10].)

Исследователи житий отмечают, что рассказам о чудесах, совершавшихся при кончине святого и после его смерти, была присуща фактографичность [11]. Фактографичность создается подробностями. В начале рассказа это возрастающее в каждом последующем чуде количество подробностей, а в конце рассказа — это (кроме деталей восхождения ассенизационного змея и голубей) весь последний абзац, в котором описано «оживление» Золотого петушка на часах школы. Событие с петушком упомянуто ранее в перечислении признаков и событий, связанных с покойной: *...процались с женщиной, при появлении которой в городке железный петух на школьных часах, этот ржавый золотой петушок, выскочил из своего домика да так и замер навеки — с открытым клювом, вытянутой шеей, распахнутыми крыльями и застрявшим в глотке «кукареку» (74).*

В связи этими и другими разного рода подробностями в тексте «Чуда...» приведем соображения В.И.Мокляка, разграничившего неправдоподобное и чудесное при рассмотрении мотива света в древнерусских житийных текстах. Понятие «неправдоподобное» — это иррациональные события, не соответствующие представлениям человечества об объективной реальности. Понятие же «чудесное» — события, наделенные религиозной коннотацией и коррелирующие с представлениями о спасении души в христианской культурной традиции [12]. Не связанное мотивом спасения, фантастическое трактуется как неправдоподобное, создающее «иллюзию фактографичности и достоверности» [12, с. 10]. В работе К.А.Дегтяренко и М.А.Дмитровской показано, что разного типа алогичные перечисления (в том числе и в рассказе «Чудо о Буянихе»), сочетающие реальное и нереальное (что является конститутивным признаком поэтики Ю.Буйды) используются в комических и игровых целях, также отмечено, что детализация имеет целью создать иллюзию реальности [13].

Разграничение неправдоподобного и чудесного актуально и для рассматриваемого рассказа, в котором описываемые или упоминаемые ситуации (чудесные или просто неправдоподобные) являются существенными элементами образа персонажа. В приведенных эпизодах начала рассказа события неправдоподобны, а усиление их подробностями выполняет функцию «иллюзия фактографичности».

В конечной же части (выше приведена объемная цитата стр. 82-83) патетическое описание чудесного восхождения контрастирует с явно «сниженным» фактом оживления петушка на часах школы.

Очевидной является своего рода нейтрализация пафоса чудесного. Нейтрализацию здесь понимаем как изображение признака, который отменяет принадлежность объекта к классу. В данном случае объектом является и сам персонаж (не святая), и текст рассказа (не житие), и описание персонажа (не подобно иконе (о внешности Буянихи скажем ниже)).

Подобная нейтрализация характерна почти для всех описаний, соотносимых с житийными топосами, в том числе чудесами.

В житийной литературе доля сведений о внешности святого заметно мала: «...житие напоминает икону. Подобно иконе житие стремится дать предельно обобщенное представление о герое, сосредоточивая главное внимание на прославлении его духовных, нравственных качеств» [14]. Описания внешности Буянихи скупы: *Простоволосая, рыхлая, старая, больная женщина сидела на земле <...> (65); Летом — в не очень свежем халате, застегнутом на две пуговицы, и домашних тапках на босу ногу; зимой — в черном жестком пальто со шкуркой неведомого зверя на воротнике («Она сама изловила его и задушила собственными руками», — понизив голос, в котором сквозили восторг и священный ужас, говорил пьяненький Буян, и почему-то ни у кого не поворачивался язык назвать его брехуном) <...>. (69)*

Минимум деталей в словесном портрете Буянихи, с одной стороны, сближает его с описанием внешности в житийной литературе, но с другой — признаки халата, история воротника из *неведомого зверя*, а затем описание Буянихи персонажем доктором Шеберстовым: *Какая баба была! Походка! Грудь! Сон и аппетит, да, сон и аппетит!* (66) нейтрализуют это сближение.

Ряд признаков Буянихи можно определить как явно противоречащие житийным топосам, используемым при характеристике святого или подвижника:

— **чтение божественных книг** — *<...> женщина, которая всю жизнь читала лишь две книги — «Три мушкетера» да «Вечера на хуторе близ Диканьки» <...> (80);*

— **отказ от брака** — наличие семерых приемных детей, странный брак с Буяном, при этом в длинном ряду номинаций названа *Непорочной Девой*;

— **наличие благочестивых родителей, праведников** — отсутствие упоминаний о родителях; о ее сиротстве сообщается только в тексте предполагаемой эпитафии: — *Пока я даже приблизительно не представляю себе, как достойно запечатлеть в нескольких строках наше представление о ее жизни: сирота, партизанка, труженица, Пенелопа, знахарка <...> (75);*

— **уход от мира** — в отличие от героев житий, Буяниха не удаляется от человеческого мира, но изображена как неотъемлемая часть (примета) мира городка <...> *который она сотворила, — точнее, перевоссоздала по своей воле и разумению <...> (74): <...> не стало той, которая всем старожилам, да и многим из молодых, казалась такой же неотъемлемой частью, такой же характерной приметой городка, как древняя церковь на площади, как краснокирпичная водонапорная башня у железнодорожного переезда возле старого кладбища, как водопад на Лаве, как черепичные кровли, алеющие в разливе липовой зелени, как Цыганский Квартал, как горбатые мосты, прегольские мосты, булыжные мостовые, заросли бузины и шпалеры туи, и многое, многое другое, без чего невозможно представить этот городишко <...> (69).*

Вместе с тем в изображении событий биографии Буянихи многие описания можно трактовать именно как житийные топосы.

Постоянно пребывала в трудах — деяния Буянихи, участие в жизни городка и всех его жителей, помощь и защита, установление справедливости, изгнание негодяев и др. Мысль Леша Леонтьева: *Она была всеведущей и бесмертной* поясняется продолжительной аккумуляцией: *Целыми днями она носилась по улицам и магазинам, встревала во все разговоры, которые сразу приобретали бурный характер, карала и миловала, подбирала выпавших из гнезда птенцов, больных кошек и бродячих собак, обличала пьяниц, драла за вихры драчунов, царила и правила на базаре, а кое-кому — особенно детям — казалось, что вдобавок ко всему она повелевала облаками и сновидениями, — и все это она проделывала с одинаковым и неослабевающим пылом, так что оставалось только удивляться, как она находит время и силы, чтобы вести домашнее хозяйство, воспитывать семерых детей и работать: сначала — лет двадцать, без перерывов — упаковщицей на макаронной фабрике, а потом — смотрительницей — или как там это называется — на базаре, а летом, по вечерам, билетершей на открытых киноплощадках... (69).*

Здесь перечислены многочисленные контрастные по значительности деяния. Контраст, подчеркнутый, с одной стороны, уточнением (*проделывала с одинаковым и неослабевающим вниманием*), с другой — стилистически контрастной лексикой: разговорной (*носились, встревала, драла за вихры*) и книжной (*повелевала, обличала, царила и правила*), также нейтрализует топос.

В рассказе неоднократно реализован топос **претерпевала клевету, поношения**. Объемный абзац, в котором описывается паломничество к гробу Буянихи, содержит подробные описания ее деяний: изгнания (злодеев — фокусника и Резаного), спасения (вынула из петли девушку, спасла дочь Граммофонихи) и др. Но в этом ряду много и пейоративных наименований и описаний деяний Буянихи: *Процались с Непорочной Девой, Попечительницей Слабых и Убогих, с Девой-Богатыршей; процались со Сводницей и Воровкой — так кричала Носиха <...>; процались с Ведьмой и Змеей — многие, многие женщины, чьи мужья когда-то, словно обезумев, наперебой ухаживали за Буянихой, знали наверняка, что в карманах, пришитых к ночной рубашке, ведьма носит сушеные сердца многочисленных возлюбленных, своими глазами видели, как по ночам Ведьма летала в ступе (на помеле, на красном быке, на белом льве, на черном вороне, на ассенизационной бочке, на Буяне, на Недотыкомке, на сложноподчиненных предложениях с придаточными образа действия, меры и степени), видели, как, оставив свою лживую плоть в постели, она ползала по спящему городку в образе прекрасной Змеи, высасывая молоко у коров и вызывая сексуальные галлюцинации у несовершеннолетних; процались с Буянихой... (74).*

Прокурор вспоминает, как получил заявление, которому не дал ходу: *<...> семнадцать женщин требовали положить конец бесчинствам Буянихи, насылавшей порчу на мужчин, которые ни о чем и ни о ком, кроме как о ней, змее, не могли думать (77).*

Подробности этих фрагментов, как и многие описания в рассказе, двойственны: они фактографичные (точное количество заявителей), но одновременно и явно утрированные (ношение сушеных сердец, средства перемещения по воздуху). Изобразительная функция А утрированные подробности, с одной стороны, нивелируют претензии клеветников, а с другой — нейтрализуют названный топос.

Эпизод, который мы отнесли к реализации топоса **доказательство своей невинности испытанием огнем**, связан с предыдущим описанием: *Тем же вечером авторессы заявления ворвались в любшикинскую кузню, где Буяниха ждала, когда припаяют ручку к ее кастрюле, и потребовали бесспорных доказательств ее непричастности к волибе. С презрительной улыбкой она недрогнувшей рукой достала из кузнечного горна раскаленную добела гайку и зажала ее в кулаке. Когда женщины пришли в себя после обморока, она разжала ладонь и бросила гайку в горн — рука ее даже не покраснела (77).*

Топос **претерпевала телесные страдания** реализован кратким эпизодом. На вопрос главврача — *Что у нее на спине... и на животе?* Цитриняк ответила — *Звезды, <...> Это память о минском гестапо <...>. Их семь — и столько же у нее детей. Не ее детей (66).* Здесь краткость доказательства святости обеспечивает предполагаемое каноническое фактографичность.

Такое доказательство святости, как **прижизненные исцеления**, приведено кратким и недетализированным перечислением: *И позже, когда она прославилась как знахарка, наложением рук избавлявшая от зубной боли, бессонницы, икоты и рака прямой кишки, Буяниха называла тех, кто видел в*

этом чуде, суеверными дураками (77—78). Но этот топос нейтрализуется изображением пренебрежения Буянихи к славе знахарки.

Топос **знала о времени собственной кончины и подготовилась к ней** реализован в длинном перечислении размышляющего Прокурора, который понял, что он действует не по своей воле, а по замыслу Буянихи: *И вовсе не исключено, что все это было ею задумано и продумано от начала и до конца, во всех деталях. О, она позаботилась обо всем: о том, чтобы умереть именно там, где умерла, и именно так, а не иначе; о том, чтобы своей смертью взбудоражить весь городок и вывести из равновесия даже тех, кто почти ничего не знал о ее прошлом; о том, чтобы ее уложили в лодку вместо гроба, пока кто-то — только, конечно, не ее близкие — будет хлопотать о более или менее достойном вместилище ее мертвой плоти; о том, чтобы все цветы во всех палисадниках в одну ночь превратились в ее любимые пионы; о том, чтобы все разговоры — о ком бы и о чем бы то ни было — в конце концов обязательно становились разговорами о ней; о том, чтобы ее положили в паркетном зале, куда непременно потянутся люди (...); о том, что скажет доктор Шеберстов и что ответит ему Прокурор, как будет чертыхаться Данголя и сколько бензина спалит Вита Маленькая Головка... (74).*

В целом длинное перечисление содержит нейтрализующие указанный топос элементы. Большинство перечисленных «забот» обыденные, кроме заботы *чтобы ее уложили в лодку вместо гроба*. Этот элемент списка явно усложнен архаической семантикой мифа. В работе М.В. Гавриловой и М.А. Дмитриевской говорится о лодке как атрибуте переправы, она «является мифологизированным средством, связующим мир живых с «тем светом» [15]. Последующие элементы перечисления переданы антиклимаксом, а последние две подробности окончательно снижают пафос, с которым начато перечисление.

Вернемся к топосу **посмертное благоухание**. В рассказе упоминаются многие запахи, но благоуханием являются только запах ели и туи и запах пионов.

Пионами, любимыми цветами Буянихи, благоухало ее тело: *<...> благоговейно вынесли из больницы тело Буянихи, источавшее запах только что распустившихся пионов... (70)*. Благоухание тела, по словам святых отцов, свидетельствует о «добродетели» человека о том, что он «пребывал в высоком духовном устройении», также благоухание может исходить «от его личных вещей, от мест, где он жил — извещая других о его святости» [16]. Это же благоухание исходит от ее любимой книги, которую стали читать над телом: *Рыдания стихли, явственнее запахло пионами, когда Капитолина раскрыла потрепанный том, обвела желицем строгим взглядом и звучным, торжественным голосом продекламировала: «Как упоителен, как роскошен летний день в Малороссии!» (71)*. Однако метаморфоза, которую претерпели цветы (*Рано утром Мороз Морозыч обнаружил, что все розы в его палисаднике этой ночью превратились в пионы, благоухающие елью и туей (71)*), нейтрализует топос своей неправдоподобностью.

Запах ели и туи упоминается в рассказе как знак смерти. В одном из начальных рассказов книги («Седьмой холм») ангелы взирали на кучу домов, «дышащих смертью — елью и туей» (13). Этот запах, в отличие от запаха пионов, распространен повсеместно: *Только свернув в Седьмую улицу, Леша сообразил, что же не давало ему покоя с той минуты, как доктор Шеберстов возвестил о кончине Буянихи: это был все усиливающийся запах ели и туи — запах смерти, печали, грядущего преображения и памяти. Черепичные крыши, бегущие собаки, позеленевшие от нескончаемых дождей заборы, тусклый свет уличных фонарей, стены домов, дым из печных труб <...> — все исходило запах ели и туи, запах густой, как сироп, как темно-зеленое смолистое вино, от которого кружилась голова... (68)*.

В этом размышлении Леша Леонтьева *запах ели и туи — запах смерти... важен глагол исходило* который указывает на то, что этот запах является именно благоуханием, точнее, проявлением чуда благоухания (хотя в первом упоминании об этом явлении используется глагол *пропах*). Благоухает не только тело Буянихи, а город, пространство, мир, который, как несколько раз указано, был творением Буянихи, и который, по предположениям разных персонажей, преобразится, изменится, исчезнет: *Это был мир, который она сотворила, — точнее, перевоссоздала по своей воле и разумению, и именно этот мир <...> должен исчезнуть, кануть в небытие. Водокачка Буянихи. Мостовые Буянихи. Голуби Буянихи. Водопад Буянихи. Шлюзы Буянихи. Облака Буянихи. Сновидения Буянихи. Дожди Буянихи. Солнце, Луна и Звезды Буянихи. Пространство Буянихи. Время Буянихи. Наконец — Красная столовая Буянихи <...> (74)*.

В финальной части рассказа (фрагмент с. 82-83 приведен выше полностью) упоминание об этом запахе, конечно, не подтверждает перспективу исчезновения всего, что было *перевоссозданием* Буянихи, однако устойчивая связь Буянихи с ее созданиями, изображенная многочисленными повторами и такая же устойчивая связь благоухания со смертью, говорит о том, что если не исчезнет мир как совокупность материальных объектов, то исчезнет смысл каждого из них, который им был придан *всеездесущей* Буянихой, установившей порядок своей заботой.

Описание дальнего мира, в котором запах теряется в ряду иных подробностей, предшествует кульминации чуда: *из-под покрывала, закрывавшего Буяниху, выпорхнул белый голубь (83), и противопоставлено небесам — где и эта — и эта судьба будет измерена мерою человеческою, какова мера и Ангела... (83)*.

Цитата из откровения Иоанна Богослова (гл. 21 стих 17) — описание измерений Иерусалима Ангелом, который пользовался человеческой мерой, — своего рода кульминация реализуемой топика как изобразительного средства, окончательная оценка всех поступков (изображенных как неправдоподобные,

правдоподобные, фактографические, чудесные подробности), обобщенных словом *судьба*. Эти поступки в Доме, куда ушел гигантский столб белого дыма, будут измерены *мерой человеческой*, в том смысле, насколько свойства Буяники соответствовали свойствам, которыми Бог наделил человека.

Но при этом последний абзац рассказа сохраняет и другую изобразительную особенность — нейтрализацию патетики топоса. Описание оживления петушка, «дискредитирует» как топосы, так и в целом отсылки к житиям. Это окончание также можно читать и как подтверждение исчезновения мира городка как мира Буяники. Участники похоронной процессии вернутся в прежний город, в прежнее пространство и прежнее время, которое отсчитывал петушок, некогда «отмененный» по какой-то причине Буянихой.

Итак, житийные топосы — средства изображения необыкновенной женщины. Построение образа Буяники в разных местах текста, при выражении точек зрения повествователя и персонажей, содержит многоаспектное изображение, где в длинных списках деталей и подробностей прихотливо сочетается правдоподобное, фактографическое, неправдоподобное, чудесное. Самым общим признаком применение топоса в образе Буяники является его нейтрализация: присутствие в описаниях таких деталей, которые искажают каноническое содержание топоса, устраняют пафос, приземляют персонажа. Чудесное, которое, согласно канону, подтверждает святость, часто нейтрализуется, что является в рассказе характерной чертой образа противоречивой Буяники, подчеркивая человеческое в этом человеке.

1. Гиржева Г.Н. Текст в аспекте экспектации (о произведении Юрия Буйды «Чудо о Буянике (поэма)») [Электр. ресурс] // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2022. № 1(40). С. 12-17. [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2022.1\(40\).12-17](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2022.1(40).12-17)
2. Житийная литература [Электр. ресурс] // Православная энциклопедия. URL: <https://www.pravenc.ru/?ysclid=lfxdkeohhj576804671> (дата обращения: 10.12.2022).
3. Руди Т.Р. Топика русских житий (вопросы типологии) // Русская агиография. Исследования. Публикации. Polemika / Ред.: С.А.Семьячко (отв. ред.), Т.В.Руди. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. С. 61.
4. Махов А.Е. Топос // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А.Н.Николюкина. ИНИОН РАН. М.: НПК «Интелвак», 2003. Стлб. 1076.
5. Растягаев А.В. Житийная топка в прозе писателей XVIII столетия Житийная топка в прозе писателей XVIII столетия (Кантемир, Тредиаковский, Фонвизин): монография. Самара: Книга, 2009. С. 16.
6. Феномен «чудо» в древнерусских источниках [Электр. ресурс] // Наука и вера. 2 июля 2020 г. // Сайт РСЦП. URL: <http://rpsc.ru/publications/bogoslovie/fenomen-chudo/> (дата обращения: 10.12.2022).
7. Рыжова Е.А. Сказание о явлении мощей и чудесах праведного Кирилла Вельского: история текста памятника и почитание святого // Русская агиография. Исследования. Материалы. Публикации. Т. 3. Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. СПб., 2017. С. 349.
8. Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. 1979. 3-е изд. М.: Наука, 1979. С. 81.
9. При цитировании и упоминании указываются страницы по изданию: Буйда Ю.В. Все проплывающие. М.: Эксмо, 2011. 400 с.
10. Логический словарь: ДЕФОРТ / Сост. В.Н.Переверзев; под ред. А.А.Ивина, В.Н.Переверзева, В.В.Петрова. М.: Мысль, 1994. С. 51.
11. Рыжова Е.А. Модель смерти святого в агиографической традиции: завещания о «небрежении» к телу и мотив «тайные слуги Господа» [Электр. ресурс] // Вестник Сыктывкарского университета. Серия гуманитарных наук. 2019. № 1(9). С. 83. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/model-smerti-svyatogo-v-agiograficheskoy-traditsii-zaveschaniya-o-nebrezhenii-k-telu-i-motiv-taynye-slugi-gospoda> (дата обращения: 10.12.2022)
12. Мокляк В.И. Поэтика фантастического в древнерусских житийных циклах [Электр. ресурс] // Верхневолжский филологический вестник. 2018. № 4(15). С. 9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/poetika-fantasticheskogo-v-drevnerusskikh-zhitiynih-tsiklah> (дата обращения: 10.12.2022).
13. Дегтяренко К.А., Дмитровская М.А. Алогичные перечисления и нумерология как средства создания гротескно-комического в книге рассказов Ю.Буйды «Прусская невеста» // Северный регион: Наука, образование, культура. 2014. № 1. С. 227-236.
14. Кусков В.В. История древнерусской литературы. Изд. 7-е. М.: Высшая школа, 1998. С. 39.
15. Гаврилова М.В., Дмитровская М.А. Мифопоэтика рассказа Ю.Буйды «Все проплывающие» // Вестник Балтийского федерального университета им. И.Канта. 2012. Вып. 8. С. 154.
16. Иеромонах Исаак. Житие старца Паисия Святогорца [Электр. ресурс]. URL: <https://religion.wikireading.ru/175978>. (дата обращения: 10.12.2022).

References

1. Girzheva G.N. Tekst v aspekte ekspektatsii (o proizvedenii Yuriya Buydy "Chudo o Buyanikke (poema)") [Text in the aspect of expectation (about the work of Y.Buyda "The Miracle of Buyanikka (the poem)")]. Memoirs of NovSU, 2022, № 1(40). S. 12-17. [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2022.1\(40\).12-17](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2022.1(40).12-17)
2. Zhitiynaya literatura [Hagiographic literature]. Pravoslavnaya entsiklopediya. Available at: <https://www.pravenc.ru/?ysclid=lfxdkeohhj576804671> (accessed: 10.12.2022).
3. Rudi T.R. Topika russkikh zhitiy (voprosy tipologii) [Topics of Russian lives (questions of typology)]. In: Semyachko S.A., Rudi T.V., eds. Russkaya agiografiya. Issledovaniya. Publikatsii. Polemika. St. Petersburg, 2005, p. 61.
4. Makhov A.E. Topos [Topos]. In: Nikol'yukin A.N., ed. Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatiy [Literary encyclopedia of terms and concepts]. Moscow, 2003, stlb. 1076.
5. Rastyagaev A.V. Zhitiynaya topika v proze pisateley XVIII stoletiya (Kantemir, Trediakovskiy, Fonvizin): monografiya [Hagiographic topics in the prose of writers of the 18th century (Kantemir, Trediakovsky, Fonvizin): monograph]. Samara, 2009, p. 16.
6. Fenomen "chudo" v drevnerusskikh istochnikakh [The phenomenon of "miracle" in ancient Russian sources]. Nauka i vera, July 2, 2020. Sayt RSPTs. Available at: <http://rpsc.ru/publications/bogoslovie/fenomen-chudo/> (accessed: 10.12.2022).
7. Ryzhova E.A. Skazanie o yavlenii moshchey i chudesakh pravednogo Kirilla Vel'skogo: istoriya teksta pamyatnika i pochitanie svyatogo [The legend of the appearance of the relics and miracles of the righteous Cyril of Velsky: the history of the text of the monument and the veneration of the saint]. Russkaya agiografiya: Issledovaniya. Materialy. Publikatsii, vol. 3. Institut russkoy literatury (Pushkinskiy Dom) RAN. St. Petersburg, 2017, p. 349.

8. Likhachev D. S. Poetika drevnerusskoy literatury [Poetics of old Russian literature]. 1979. Moscow, 1979, p. 81.
9. Buyda Yu.V. Vse proplyvayushchie. Moscow, 2011. 400 p. (pages from this edition are in round brackets)
10. Pereverzev V.N., et al, comp., eds. Logicheskiy slovar': DEFORT [Logical dictionary: DEFORT]. Moscow, 1994, p. 51.
11. Ryzhova E.A. Model' smerti svyatogo v agiograficheskoy traditsii: zaveshchaniya o "nebrezhenii" k telu i motiv "taynye slugi Gospoda" [Model of the death of a saint in the hagiographic tradition: testaments about «negligence» of the body and the motive "the secret servants of the Lord"]. Vestnik Syktyvkar'skogo universiteta. Seriya gumanitarnykh nauk, 2019, no. 1(9), p. 83. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/model-smerti-svyatogo-v-agiograficheskoy-traditsii-zaveshchaniya-o-nebrezhenii-k-telu-i-motiv-taynye-slugi-gospoda> (accessed: 10.12.2022)
12. Moklyak V.I. Poetika fantasticheskogo v drevnerusskikh zhitiynykh tsiklakh [Fantastic poetics in Old Russian hagiographic cycles]. Verkhnevolzhskiy filologicheskii vestnik, 2018, no. 4(15), p. 9. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/poetika-fantasticheskogo-v-drevnerusskikh-zhitiynykh-tsiklakh> (accessed: 10.12.2022).
13. Degtyarenko K.A., Dmitrovskaya M.A. Alogichnye perechisleniya i numerologiya kak sredstva sozdaniya groteskno-komicheskogo v knige rasskazov Yu.Buydy "Prusskaya nevesta" [Illogical enumerations and numerology as means of creating a grotesquely-comic world view in Yuri Buida's book of short stories "The Prussian Bride"]. Severnyy region: Nauka, obrazovanie, kultura, 2014, no. 1, pp. 227-236.
14. Kuskov V.V. Istoriya drevnerusskoy literatury [History of Old Russian Literature]. Moscow, 1998, p. 39.
15. Gavrilova M.V., Dmitrovskaya M.A. Mifopoetika rasskaza Yu.Buydy "Vse proplyvayushchie" [Mythopoetics of Y.Buida's story "All the Sailing"]. Vestnik Baltiyskogo federal'nogo universiteta im. I.Kanta, 2012, iss. 8, p. 154.
16. Ieromonakh Isaak. Zhitie startsa Paisiya Svyatogortsa [he Life of the Elder Paisios Svyatogorets]. Available at: <https://religion.wikireading.ru/175978> (accessed: 10.12.2022).

Girzheva G.N., Zaika V.I. Hagiographic topoi as elements of the image of a character in Yuri Buida's story "The Miracle of Buyanikha (The poem)". The title of the story "The Miracle of Buyanikha" indicates the genre definition of the presence in the text of signs of hagiography, the horizon of expectation is determined, it is an expectation guideline, as well as a genre specification — a poem. Topoi — the main elements, ceremonial practices: images, motives, speech formulas, guarantees, etc. — are defined by the canon as genre signs of hagiography. The story contains images of various kinds of miracles, which, by their presence, suggest that Buyanikha belongs to the category of those to whom the hagiographic texts are dedicated. However, in the story, topoi and other vital signs have a dual relationship to the hagiographic canon: some images of Buyanikha are meaningfully quite correlated with hagiographic topoi, and are recognized by the reader as corresponding to the genre, other elements correlate with topoi "negatively": the mentioned or described fact of Buyanikha's biography contradicts the common place that characterizes the character as a saint (such a ratio is less recognizable). The most common sign of the use of the topos in the image of Buyanikha is its neutralization: the presence of such details that distort the canonical content of the topos in the description, correct pathos and ground the character. Therefore, in general, the implementation of hagiographic topics in the story is defined as a neglect of ceremoniality. The image of Buyanikha, built by the author using various points of view of the narrator and characters, is multifaceted: long lists of details whimsically combine plausible, factual, implausible and miraculous. Moreover, the miraculous, which, according to the canon, reproduces holiness, is usually neutralized, which is a characteristic feature of the image of the controversial Buyanikha.

Keywords: Yuri Buyda, "All the Sailing", "The Miracle of Buyanikha (poem)", image of the character, hagiographic topos, miraculous, factual, neutralization of the topos.

Сведения об авторах. Галина Николаевна Гиржева — кандидат филологических наук (10.02.01), доцент, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Гуманитарный институт; ORCID: 0000-0001-7571-6634; girzhevagalina@yandex.ru; Владимир Иванович Заика — доктор филологических наук (10.02.01), доцент, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Гуманитарный институт; ORCID: 0000-0002-2206-772X; w.i.zaika@gmail.com.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 30.04.2023. Принята к публикации 01.06.2023.

Ссылка на эту статью: Гиржева Г.Н., Заика В.И. Житийные топосы как элементы образа персонажа в рассказе Юрия Буйды «Чудо о Буянике (поэма)» // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2023. № 4(49). С. 328-334. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.4(49).328-334

For citation: Girzheva G.N., Zaika V.I. Hagiographic topoi as elements of the image of a character in Yuri Buida's story "The Miracle of Buyanikha (The poem)". *Memoirs of NovSU*, 2023, no. 4(49), pp. 328-334. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.4(49).328-334